

Идеи евразийства в настоящее время раскручиваются с двух противоположных позиций. Со стороны некоторых американских международных, и прежде всего Зб. Бжезинского, она подвергается атаке как некая концепция, противоречащая национальным интересам США. С российской стороны, напротив, ее отстаивает группа ученых и политиков, которая усматривает в ней своего рода новую идеологию, способную объединить Россию и заодно спасти весь мир. Причем, если в США идеи евразийства мало кого волнуют (за исключением ее противников), то в России она вызывает ожесточенные дискуссии, представленные, например, в сборнике Фонда Горбачева, который вел исследовательский проект “Загадки Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе”.

Сама по себе тема не нова. Ее истоки лежат в спорах между славянофилами и западниками на протяжении всего XIX века, особенно его второй половины. Затем они перешли в ожесточенные дебаты в 20-х годах XX века, которые вели такие крупные личности как Н.С. Трубецкой, В.Ф. Эрн, Н. Бердяев, Г. Флоровский и другие. Ныне через евразийство вновь поднимается тема, как стало модно говорить, “идентификации” России, т.е. самоопределения страны в мире.

Специфика нынешних споров заключается в том, что евразийство привязали к геополитике, которая, дескать, придает проблеме научный характер.

На самом же деле все эти дискуссии, в которые вовлечена политическая элита справа и слева, отражают борьбу за власть в правящей среде в рамках существующей политико-экономической системы. Формально сторонники евразийства как бы отстаивают самобытность России, ее цивилизационную различимость от Запада и противостоящей Западу. Противники идеи, наоборот, настаивают на существовании универсальных западных ценностей, которые необходимо усвоить России, чтобы не сойти с рельсов мировой цивилизации.

За этими культурологическими терминами скрываются простые экономические вещи. Евразийцы отражают интересы национальной буржуазии России, которая не хочет делиться плодами эксплуатации своих граждан с Западом. Антиевразийцы, т.е. западники, идеологически служат той части российского бизнеса, которая тесно связана с западным капиталом и в сотрудничестве с которым они столь же эффективно обедняют российское население. Вот и все! Остальное – идеологическая лапша, которой кормят неграмотное население под маркой заботы о его интересах. И,

естественно, кормятся сами. Достаточно внимательно проанализировать связи идеологов того или иного направления с их “спонсорами”.

На поверхности же все эти споры выглядят довольно “научно”. Рассмотрим теперь цену их научности.

Тавровский – неудачная ставка на Примакова

Для начала есть смысл обратиться к одному курьезному материалу, вокруг которого “разгорелся” спор. Он принадлежит перу журналиста – Ю. Тавровскому, который теперь выступает в ранге “политолога”. Журналист, плохо просчитав политическую конъюнктуру, решил сделать ставку на Е. Примакова, предопределив ему высокое звание “Учителя, который сформулировал бы основы нового евразийского учения и возглавил его претворение в жизнь”. Естественно, в качестве президента страны, на что рассчитывал наивный Тавровский. И хотя Примаков является академиком, но за свою академическую жизнь он не открыл ни одного закона, не выявил ни одной закономерности и путается в научных терминах, как какой-нибудь кандидат наук - степень, которая ему в свое время далась значительно сложнее, чем звание академика. Следовательно, ожидать от него аж “нового учения”, казалось бы, не серьезно. Но Тавровского это не смущает, поскольку он нашел уникальное основание для этого у академика. “Он (Примаков) – евразиец по рождению, по биографии, образованию и карьере”. Я еще с трудом могу понять, что означает быть евразийцем по биографии: родился в Киеве, жил в Тбилиси, карьеру делал в Москве. Так сказать, сочетал “культуры”. Но быть “евразийцем по рождению” – это нечто. В таком случае, мы все, кто родились в Европе или в Азии, “евразийцы по рождению”: и китайцы, и немцы, и японцы и еврейцы. Несмотря на такое уникальное сочетание, Примаков так ничего и не сформулировал, учения не создал. Но от него теперь Тавровский, наверное, этого и не требует, т.к. все равно он президентом не стал. Президентом стал другой “евразиец”, правда, без евразийской биографии, но зато часто употребляющий фразу: “Россия – евразийская страна”. Вот на кого надо было делать ставку Тавровскому. Может быть, какой-нибудь пост сподобил бы.

И вот на эту статью откликаются противник евразийства – В. Ступишин, а затем защитник и Тавровского, и евразийства – Б. Ерасов. Первый, естественно, его критикует с позиции западника, привлекая на свою сторону старых критиков евразийства (Н.Бердяев, И. Ильин, П. Миллюков). Заканчивает же В.Ступишин свою

статью гимном в пользу либерально-демократических ценностей и частной собственности. Второй, столь же естественно защищает евразийцев от этих ценностей, т.е. “разрушительного воздействия западной идеологии и культуры” и в целом от “западного гегемонизма”.

Хотя сама по себе полемика в “Независимой газете” закончилась, но статьи про евразийство продолжают появляться, поскольку, судя по всему, она “оплодотворяет” некоторые выступления самого президента. В частности, газета стала публиковать одного из видных забойщиков евразийства – А. Дугина, который эту тему ведет уже немало лет, придав ему научный слог и интеллектуальную глубину.

А. Дугин – евразийский чревовещатель

А. Дугин в коммуно-патриотических кругах считается идеологом евразийства и пропагандистом геополитики, которую лидеры национал-патриотов (А. Проханов, В. Жириновский) и верхушка КПРФ (Г. Зюганов, Г. Селезнев) всерьез восприняли в качестве “науки”. Как уже отмечалось, евразийство у него как бы научно вытекает из геополитики. Ради этого он, развивая, так сказать, отца геополитики, английского географа Хэлфорда Макиндера, фиксирует операционные пары: евразийство – атлантизм, суша - море, континент – остров. Естественно, историческая Россия (Киевская Русь, Московское царство, романовская Россия, Советский Союз) составляет первую часть пары, Запад – вторую. Понятно, что российская часть – это положительный полюс, западный – отрицательный. В высокопарном выражении это звучит так: “Евразийский импульс является Единицей нашей системы, нашим положительным полюсом исторического бытия, нашей Правдой и нашим Светом в противоположность атлантистскому Нулю, полюсу неправды и ненашей тьмы”. И хотя Дугин использует здесь как бы метафору (двоичный код 1-0), на самом деле он убежден, что Россия действительно 1, а Запад – настоящий 0. Об этом у него написано во многих других работах. Он, правда, оговаривает, что Запад ту же систему парных отношений описывает “с обратным оценочным знаком”. И это, по его мнению, проявление закономерности, и это – “основной закон геополитики”. Другими словами, законом геополитики является антагонистическое взаимоотношение между сушей и морем, островом и континентом, и, конечно же, между Западом и не-Западом, т.е. Востоком. Для того, чтобы этот бред показался убедительным, Любомир предостерегает, что этот закон может понять только “большой рассудок”, т.к. для

“обычного малого рассудка” эту неведомую тайну исторической предопределенности не раскусить.

Мощность действия этого «закона» обосновывается Дугиным тем, что чуть ли ни все политические силы, какими бы терминами они не оперировали (“государственность”, “патриотизм”, “державность”), сознательно или полусознательно обращаются к евразийской идее. В рамках этой идеи он оценивает и тезис стратегического треугольника Москва – Дели – Пекин, а также тезис Ельцина-Путина о “многополярности”. Сам же он в книге “База геополитики: геополитическое будущее России” предлагал создать антизападный альянс из России, Японии, Германии и Ирана. Ради этого он готов отдать Японии “Курильские острова”. При этом, как с иронией замечает английский автор, Чарльз Кловер, “игнорируя тот факт, что не все они сухопутные страны”.

По идее все эти конструкции должны иметь антизападную направленность, против, так сказать, атлантизма. В этом суть ЕВРАЗИЙСКОЙ ПЛАТФОРМЫ С БОЛЬШИМИ БУКВАМИ, под эгидой которой “могли бы объединиться во имя державности и правые и левые, и социалисты и рыночники, согласные при этом с основным постулатом: никакие внутривнутриполитические разногласия не должны приводить к дестабилизации Российского Государства, наносить ущерб его безопасности, ослаблять наш стратегический и цивилизационный суверенитет, нарушать социальную стабильность”. Именно в этом должна состоять национальная идея.

Совершенно очевидно, что с такой платформой нельзя объединить разношерстное общество в России, особенно тех, кто связал свои кровные узы с Западом. Свидетельством этому служит даже такой примечательный факт, что антиевразийцы в Интернете создали свой сайт – Azioipa: сайт против евразийства (<http://nationalism.org/aziopa>), на котором помещаются весьма острые и критичные статьи против евразийцев. Утопизм этой идеи заключается хотя бы уже в том, что споры на эту тему, как уже говорилось, продолжаются более ста лет, а “консенсуса” как нет, так и нет.

Здесь у меня нет намерения вдаваться в идеологию евразийства. Я хочу обратить внимание только на геополитическую сторону этой идеи в дугинской интерпретации. Ее суть – это объяснение всех международных катаклизмов посредством категории **пространства**: море – суша, континент – остров. (Как с сарказмом выразился упоминавшийся Чарльз Кловер, “Победа сейчас скорее завоевывается в географии,

нежели в истории; в пространстве, а не во времени”). Если это так, то как А. Дугин объяснит свое же предложение создавать альянс Россия, Япония, Германия и Иран, куда входит, кроме России и Ирана, одно островное государство и одно атлантическое, против морской атлантической державы – США. Очевидная несвязуха. Опять же. Евразийская страна Япония почему-то находится в геостратегическом антагонизме с другой евразийской страной – Россией, но дружит с атлантической страной – США. Или почему два островных государства: Великобритания и Япония, весьма похожие по геополитическому положению, столь кардинально разнятся в культурно-цивилизационном отношении. И какая из доминант “суши – моря” преобладает в географическом профиле Индии, Китая, Германии, Португалии и т.д. И почему внутри Евразии как некой целостности происходило не меньше войн и конфликтов, чем между евразийством и атлантизмом?

Короче говоря, **пространство** ничего не объясняет в международных отношениях, оно не является категорией политики, точно так же как и **время**. И то, и другое – всего лишь система координат, где происходят события. И привязывать эту глупость к структуре международных отношений, а тем более создавать на ее основе национальную идею можно только в порядке мистических упражнений в форме созерцания собственного пупка.

В завершение. Все эти евразийцы любят повторять строчки из баллады Киплинга о Востоке и Западе, которые, дескать, не сойдутся никогда. У меня такое ощущение, что любители этой цитаты никогда даже не читали этой баллады. Так вот, она начинается и заканчивается одним и тем же четверостишием:

Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда –
Лишь у подножья Престола Божья, в день Страшного суда!
Но нет Востока и Запада нет, если двое сильных мужчин,
Рожденных в разных концах земли, сошлись один на один.

Сойдись, между прочим, подружись, а не уничтожили друг друга.

* * *

Но прежде чем закончить эту тему, я хотел бы воспроизвести свою реакцию на не менее интеллектуальных ученых, о которых я писал в предыдущей книге “Россия на обочине мира”. Я имею в виду уже упоминавшегося Зб. Бжезинского, одна из работ

которого получила у нас определенный резонанс. В противовес я представляю М. Л. Титаренко, директора Института Дальнего Востока РАН . Последний дает к этому повод своей книгой “Россия лицом к Азии” (М.: Республика, 1998), воспринятая многими как апология евразийству. С нее и начнем.

Еслибизм по-титаренковски

Следует сразу же оговорить, что книга не является научным трактатом, а представляет собой сборник докладов, прочитанных на международных конференциях. Признаком не научности этой работы служит отсутствие понятийного аппарата и даже терминологической четкости. Автор, например, уравнивает такие явления как АТЭС с ЕЭС и ВТО, основными странами СВА являются у него Китай, Япония и США (!) (это все равно, что сказать будто, к примеру, основными странами Африки являются ЮАР, Нигерия и США) и т.д. Другими словами, - это сборник политизированных речей, нацеленных на пропаганду некоторых идей, прежде всего, идеи евразийства. Повторяю, поскольку эти идеи являются популярными в некоторых академических кругах России, рассмотрим, как они представляется одному из ее идеологов.

М. Титаренко объявляет “новую Евразию” (напоминаю: есть еще “старое” евразийство 20-х годов, есть еще “старее” – второй половины XIX века) “новой парадигмой”. Он объявляет: “Евразийство - это предвестник основы будущего нового мирового порядка планетарных межцивилизационных отношений, обеспечивающих экологию культур и цивилизаций, сохранение этнического и цивилизационного многообразия”. Далее: “...евразийство может стать не только идеологией российского обновления, новой парадигмой возрождения России, но и дать пример новых идей межцивилизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе (курс. Титаренко).

Новое евразийство позволяет не только укрепить внутреннюю идентичность национального самосознания русского народа, но и гарантировать бесконфликтность межцивилизационных отношений сотрудничества между всеми народами и их культурами на просторах России, а также углубление культурного сотрудничества и взаимодействия с проживающими в других странах соотечественниками, обеспечив их цивилизационную идентичность”.

Честно говоря, подобные пассажи напоминают мне международные разделы очередного отчетного доклада ЦК КПСС, безапелляционно утверждавших, что советское общество идет в авангарде всего человечества, поэтому соотношение сил в мире неуклонно меняется в пользу сил социализма, мира и прогресса.

В каких заоблачных высотах надо витать, чтобы не видеть, что нынешняя Россия демонстрирует явления прямо противоположные тому, что декларирует Титаренко. Как может страна дать пример “новых идей межцивилизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе”, если она сама скатилась в доиндустриальную эпоху, Интернетом пользуется горстка людей (относительно всего населения), а большая часть граждан не имеет даже компьютера. О каком углублении культурного сотрудничества с проживающими в других странах соотечественниками можно говорить, когда государство не может профинансировать культуру в собственной стране, не говоря уже о том, что не может договориться с народами, проживающими на территории самой России, например, с чеченцами. И т.д. и т.п.

Какой фантазией надо обладать, чтобы написать такое: “Близость и определенное родство российского евразийства с цивилизационными системами ценностей Китая, Японии и Кореи, а также США создают в перспективе широкие благоприятные предпосылки для многостороннего сотрудничества и медиаторской роли России в преодолении политических, экономических и межцивилизационных трений, которые, судя по всему, неизбежно будут нарастать и порой приобретать острый характер в связи с борьбой за гегемонию и лидерство в АТР между США, Японией и Китаем”. Кому, спрашивается, нужна эта “медиаторская” (почему, кстати, не написать “посредническая”?) роль России, которая не может справиться со своими экономическими и этническими проблемами, не выполняя таких элементарных функций, как выплата зарплаты своим бюджетникам.

В таком же ключе автор расписывает благости для России от реализации проектов по Тумангану и “Кольцу Японского моря”, которые и через 10 лет после их возникновения продолжают находиться в состоянии обсуждения и споров.

М. Титаренко может возразить: да, сейчас все это утопия, но вот если мы примем на вооружение концепцию евразийства, то все это может оказаться реальностью. Сделаем такое допущение. Возникает только один вопрос: а что же такое это евразийство?

Читая рассуждения сторонников Евразии (например, Б.С. Ерасова, Г.А. Югая, А.А. Язьковой и многих других), я так и не понял, что это такое. Может быть, г. Титаренко поможет?

По его мнению, евразийство - это идеология, которая “может объединить под общим знаменем и правых, и левых, и прогрессистов, и консерваторов” (Совсем, как по Дугину). Далее следует, что она, эта евразийская идеология, может абсолютно все. Такой сверхуниверсальной идеологии мир действительно еще не видел. В чем ее такое всесильное волшебство? Оказывается, в национальном характере русской нации, вбирающей в себя “соборность, доброту, чуткость к горю других, готовность поделиться последним”[i]. Что ж, в корнях русского народа, не исключено (хотя я сильно сомневаюсь), подобные качества еще сохранились. Но я их что-то не замечал у находящихся у власти политиков, олигархов, гос. бюрократов, в том числе и у самого автора названных слов. А посему у меня создается такое ощущение, что вряд ли можно примирить и объединить миллионы людей с ельцинистами-березовцами, голодных шахтеров и учителей с “новыми русскими”. Но в любом случае, причем здесь евразийство?

У М. Титаренко, как и у его приверженцев, постоянным рефреном звучит тезис о том, что мы, русские, дескать, слишком зациклились на Европе, при этом игнорируя азиатскую культуру. Он даже книгу назвал - Россия лицом к Азии. Раз так, то получается, что, мы должны повернуться к Европе задом, если все-таки признать, что у России одно лицо, а не два.

На самом деле, мы эту Азию никогда не игнорировали и о ней знаем ничуть не меньше, чем азиаты о нас. Но опять же, причем здесь евразийство? Любая культура формируется под воздействием влияния и Запада, и Востока. Но оттого, что те же японцы переняли немало элементов европейско-американской культуры, это не сделало их евразийцами, или турок, перенявших немало у Европы, тоже не превратило в евразийцев. Они как были, так и остались японцами и турками. Почему же нам, русским, надо превращаться в евразийцев?

Я согласен, что у России - особый путь, но чем мне помогает замена слова российский на евразийский?

М. Титаренко постоянно сетует, что мы еще экономически “не интегрированы в АТР”, а слишком обращены на Европу. И это, дескать, тоже отдаляет нас от Азии. А для того,

чтобы быть настоящими евразийцами нам надо скорее интегрироваться в этот мифический “АТР”.

Действительно, в “АТР” мы не интегрированы и не интегрированы даже в США. И я выскажу крамольную для евразийцев мысль, что никогда и не будем интегрированы. Не потому, что мы игнорируем эти регионы, а потому что наши восточно-азиатские пространства не приспособлены для воспроизводства нормальной жизнедеятельности человека. Точно также, между прочим, как и северные территории Канады, которые не интегрированы не только в Азию или в Америку, но даже и в собственную экономику на юге. Если бы М. Титаренко не поленился или догадался проанализировать уровни хотя бы наших торговых связей Азии лет за двести (я уж не говорю о связях интеграционного типа), он обнаружил бы удивительные вещи. Сделаем это за него.

Для начала современность. В 1999 г. на Восточную Азию (17 стран) падало всего лишь 10,2% российского экспорта и 6,7 % импорта, в то время как доля только одной европейской страны - Германии - в экспорте России была равна 8,5%, а в импорте – 13,9%. Если же брать всю Европу, то эти доли превысят 70 и 80% соответственно. Более того, динамика развития торговли за последние не то что 15-20 лет, а за последние 200 лет не подтверждает пустопорожних утверждений, что “Азия” или ныне модный “АТР” занимают “все более весомое место в российской торговле”. Не занимают и занимать не будут.

Напомню, что в 1802-1804 гг. (когда начался статистический учет внешней торговли России) на Азию (в то время под Азией понималась Средняя Азия и Персия) приходилось 10% экспорта и 17% импорта. К 1897 г. эти пропорции изменились в таких соотношениях: экспорт - 10,5%, импорт - 11%. То есть доля импорта даже упала за счет Европы и частично Америки. Россия в силу множества причин была, есть и будет устремлена на Европу. Переломать эту устойчивую тенденцию можно было бы только в одном случае - сделать РДВ местом бурной экономической активности, наподобие Калифорнии. В ближайшем столетии этого, однако, не произойдет по самым прозаическим причинам: географии и климата, а отсюда и демографии. И плюс масса других причин, фактически являющихся следствием названных.

Можно и дальше продолжать критику евразийства в титаренковском исполнении, но в этом нет никакого смысла, поскольку он, несмотря на обилие слов вокруг этого выражения, так и не дал определения, что это такое. Такая таинственность, правда, присуща всем российским евразийцам. А это вынуждает меня сделать вывод о том,

что евразийство по-русски - это еще один вариант еслибизма, т.е. очередная химера или фантом, или даже гадание на кофейной гуще, приносящая некоторые дивиденды ее сторонникам (точно также, как и астрологам и всяческим гадалщикам), но не имеющая ни практического, ни тем более научного содержания.

Евразийство по Бжезинскому и ответ Ю. Батурина и О. Доброчеева

В отличие от М. Титаренко Зб. Бжезинский в своих геостратегических построениях работает с термином Евразия на понятийном уровне, тем самым как бы претендуя на научность. Посмотрим, что у него из этого получилось. Но сначала небольшая предыстория.

В "НГ" (от 24.10.97) была перепечатана одна из статей Зб. Бжезинского ("Геостратегия для Евразии"), которая, несмотря на русофобский характер, не вызвала полемических ответов со стороны российских политологов-международников. И в этом нет ничего удивительного, поскольку откровениям американца по поводу неизбежной гегемонии США и незавидной участи России, по крайней мере, в обозримой перспективе, действительно нечего противопоставить. Более того, директор Института США и Канады, Сергей Рогов, в обширной статье, опубликованной в НГ-сценарии (№ 3, 1998) квалифицированно, на цифрах, подтвердил обоснованность геостратегического видения Зб. Бжезинского в части, касающейся России. В еще более научной форме это сделали Ю. Батурин и О. Доброчеев на основе "физического и макросоциального подхода", кстати сказать, метода, становящегося весьма популярным в России и известного в США как Теория сложности (The Theory of Complexity). Однако этот же метод позволил нашим ученым не согласиться с Зб. Бжезинским(им) относительно будущего России "в долгосрочной перспективе", и поэтому их статью можно рассматривать как вариант полемики с американским политологом. Полемический ответ Батурина и Доброчеева страдает тем же еслибизмом, хотя и в более научнообразной форме, чем это представлено у М. Титаренко.

Дело в том, что хотя Бжезинский и Батурин с Доброчеевым пользуются различными методами анализа, они прибегают к одинаковым ключевым терминам, т.е. играют на одном и том же понятийном поле. Я имею в виду главный термин, вынесенный в заглавия статей - Евразия и евразийская геополитика. Свое отношение к этой "науке" я выразил выше, сейчас же хочу сконцентрироваться на понятиях "Евразия и

евразийство” в исполнении Зб. Бжезинский и которые являются отправной точкой “физического метода анализа” наших исследователей.

Евразия: фантом или реальность?

Так что же такое “Евразия”? Зб. Бжезинский пишет: “Евразия - это континент, на котором расположены самые устойчивые в политическом плане и динамично развивающиеся страны мира”. В качестве опровержения я мог бы привести десятки стран “Евразии”, лишённые приведенных качеств, но для примера сошлюсь всего на две: Россию и Индию. Что касается первой, то Зб. Бжезинский сам утверждает, что Россия – “политическая черная дыра”. Вопрос: может ли “черная дыра” быть “политически устойчивой”? История второй страны - Индии - также почему-то не демонстрировала ни политической устойчивости, ни тем более “динамичного развития”.

В этой связи совершенно глупо звучит, что на Евразию “приходится 75% населения Земли, 60% внутреннего валового продукта и 75% энергетических ресурсов. В целом потенциальная мощь Евразии превосходит мощь США”. Эту идею подхватывают Батури и Доброчеев. Спрашивается: можно ли сравнивать совокупный потенциал десятков разнородных стран Европы и Азии с потенциалом одной страны? Это сравнение из той же серии подсчета совокупного потенциала так называемого АТР: загоняют в этот “АТР” полмира, а потом говорят, что его потенциал превосходит европейский.

Далее: “Евразия - это суперконтинент земного шара, играющий роль своего рода оси”. Каким образом пол земного шара может быть “осью” чего-то, мне совершенно не понятно.

Наконец: “Та держава, которая станет на нем доминирующей, будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом плане регионах планеты: Западной Европе и Восточной Азии”. После второй мировой войны СССР, как известно, был самой мощной державой “Евразии”. Несмотря на это, в Западной Европе “решающее влияние” все-таки оказывали США, в Восточной Азии... опять же США.

Таким образом, все определения “Евразии”, по крайней мере, в исполнении Зб. Бжезинского, элементарно не подтверждаются исторической практикой, а значит они не верны в принципе. Следовательно, все последующие построения на основе евразийской концепции не имеют никакого аналитического смысла. Игра в модное словечко, которое не поддается понятийному определению. Не случайно наши авторы поневоле вынуждены были оговориться, что “Евразия = Европа + Азия”. Но эта оговорка имеет тот же смысл, что и Еврафрика = Европа + Африка. Кроме географической констатации за такой формулировкой нет никакого содержания.

Является ли Россия Евразией?

Если для Зб. Бжезинского Россия представляется “политической черной дырой” Евразии, то для многих наших геополитиков, как уже говорилось выше, Евразия и есть Россия, то есть ни Европа и ни Азия, а некий синтез, нечто третье. Здесь нас ожидает еще один капкан. Действительно Россия географически расположена на территориях и Европы, и Азии. Но если следовать культурно-цивилизационному принципу, в соответствии с которым европейцы и азиаты - это определенные специфические типы цивилизаций, то россияне не будучи ни теми, ни другими, не могут быть и евразийцами. Точно также как азиаты отличаются от европейцев, россияне отличаются от тех и других. Россияне - это тоже особый тип культуры, мышления и поведения, стоящие особняком от всех остальных типов. Поэтому мне абсолютно непонятен часто употребляемый термин “народы Евразии”; я таких народов пока не встречал. От того, что Турция частично расположена на территории Европы, турки не стали европейцами или евротурками. Так же и австралийцы или новозеландцы, входящие в так называемый “АТР”, не стали азиатами, а остались типичными европейцами. Кроме того, термин Азия сам по себе с большим подвохом, поскольку в различных частях Азии живут столь отличные друг от друга “азиаты”, что образуют различные типы цивилизации. Достаточно сравнить азиатов-арабов с азиатами-китайцами или азиатами-японцами. Разница, как между небом и землей. Более того, даже расположенные рядом китайцы и японцы по своему устроению, культуре и мировидению отличаются друг от друга больше, чем, скажем, китайцы от немцев.

Таким образом, в геополитическом смысле термины “Азия”, а в еще большей степени “Евразия” представляют собой пустые понятия, т.е. не имеющие содержания.

Будущее России: конфедерация или целостность?

Теперь два слова о геостратегии. Зб. Бжезинский уже давно говорит о том, что с точки зрения геостратегических интересов США желателен распад России на ряд территорий типа Сибирской и Дальневосточной республик. Множество раз он говорил и писал о необходимости укрепления независимости бывших союзных республик, в частности Украины, а в связи с ажиотажем вокруг Каспийской нефти, в особенности Азербайджана и Узбекистана. Если исходить из стратегических интересов США, подобные рекомендации вполне логичны. Столь же логичными выглядят его рецепты по формированию “стратегических взаимоотношений между Америкой и Китаем”. Он даже готов допустить гегемонию Китая в регионе (в Восточной Азии), одновременно “выводя” Японию за пределы региона в “мировую политику”, чтобы предотвратить невыгодное для США японо-китайское противоборство за лидерство в Восточной Азии. Повторяю, резон в такой постановке вопроса для интересов Вашингтона есть.

Батурин и Доброчеев на основе своего анализа, деликатно “оспаривая основной тезис о конфедеративном будущем страны” (России), уверены в ее “устойчивости” или жизненном цикле в соответствии с “линейным размером государств в степени 2/3”. Этот вывод подтверждает, по их мнению, и многовековая история России. Я не знаю, как закон “площади” государств работает в случаях, например, с Японией, Францией, Англией, Испанией и т.д., площади которых в десятки раз меньше российской, хотя “время жизни” этих государств почти в два раза превышает “жизнь” России. Если же иметь в виду, что и “устойчивым”, т.е. целостным государством Россия стала только при Петре 1, (а до этого десятки разрозненных княжеств, затем “татаро-монгольское иго”, затем “собрание земли русской”, а затем вновь смуты), то оптимизм наших авторов можно рассматривать как попытку выдать желаемое за действительное.

И проблема “устойчивости” (целостности) или неустойчивости (конфедерации) решается не на основе закона “площади”, а законов политики и политэкономии. Конкретно, это будет зависеть от того, какой строй утвердится в нашей стране. Если восторжествует капиталистический строй, то будут реализованы идеи Зб. Бжезинского. И вот почему.

История России свидетельствует, что как только в ней превалируют демократические формы правления, феодального или капиталистического типа, Россия оказывается рассыпанной, раздробленной. Вспомним период феодальной демократии между X-XIII веками, хаос после Ивана Грозного (конец XVI - середина XVII), период капитализации

России с середины XIX (продажа Аляски), демократизация после 1905 г., приведшая к октябрю 1917 г. с потерей Финляндии и Польши. (Уверен, что последние “ушли” бы и без Октября). Наконец, самый разрушительный период - “демократия” Горбачева-Ельцина. В то же время, когда в России утверждалась диктатура царя или императора (Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II), а затем “диктатура пролетариата” (Сталин) Россия расширялась и укреплялась.

Нынешний капиталистический путь, даже в случае его успеха, объективно ведет Россию к распаду или, по крайней мере, к экономической автономизации той же Сибири и Дальнего Востока, не говоря уже о все большем удалении бывших союзных республик от России. И этот процесс стимулируется именно капиталистическим вариантом развития, поскольку капитализм предполагает высокую степень автономии экономических субъектов не только на уровне фирм или компаний, но и на уровне регионов, развивающихся не по указке из Центра, а по логике соответствия рыночным отношениям. В этом смысле “крепить” СНГ представляется такой же глупостью, как и удерживать в России ту же Чечню или другие регионы, нацеленные на выход из России. Закон рынка будет диктовать регионам крепить отношения с теми, кто больше “даст”. А что может дать им нынешняя нищая Россия, то бишь Федеральное правительство? Уповать же на трансформацию нынешнего режима в сторону социал-демократического капитализма является очередной утопией, поскольку такой тип капитализма может работать только на малых территориях с громадным историческим опытом демократии. Этот тип практически не приемлем ни в России, ни в Китае.

Если же мы вновь вернемся к социалистическому варианту развития (естественно, в его модифицированной форме, близкой к китайскому варианту), тогда можно было бы согласиться с оптимизмом авторов. Поскольку жесткая социалистическая надстройка в сочетании с “мягким” базисом (смешанная экономика) сможет удержать страну от распада и сохранить контроль над стратегическими видами сырья и промышленности.

Только в этом случае Россия, говоря словами Батурина и Доброчеева, станет “центром притяжения” народов и Европы, и Азии, и даже самой Америки. Проблема в том, чтобы они “тянулись” к нам не как к объекту грабежа наших природных и экономических ресурсов, а как к равноправному субъекту экономического взаимодействия. Может быть, только тогда мы, наконец, сможем построить тот самый мост между Востоком и Западом, Восточной Азией и Европой, о которой время от времени толкуют неискоренимые оптимисты, верующие в будущее России.

Снова биполярность?

Между прочим, наиболее сильное возражение Зб. Бжезинскому наши авторы высказывают по очень важному пункту, о котором они не подозревают и сами. Этот пункт сконцентрирован в подзаголовке “Америка и Евразия, единство и борьба – геополитическая формула XXI века”. Внутри этой главки они пишут: “Политическая структуризация будет направлена в сторону американской интеграции с одной стороны и евразийской – с другой”. Они уточняют, что поначалу будет доминировать в этой связи Америка, на следующем этапе - “новое геополитическое образование на Евразийской платформе”.

Фактически они говорят о воссоздании биполярной системы международных отношений. И он действительно будет воспроизведен вопреки концепции многополярности, о которой мечтают утописты из ослабевших или еще не набравших силу государств. Но воссоздан не в форме Америка - Евразия, а Америка - Китай. Потому что реальный интеграционный процесс ныне разворачивается не на “евразийском пространстве”: Европа - Россия - Азия (на этой евразийской “оси” интеграцией и не пахнет), а в Восточной Азии, закручиваясь вокруг материкового Китая. Именно КНР становится той самой “черной дырой”, которая притягивает экономики всех стран Восточной Азии, не говоря уже о чисто торговых и инвестиционных вливаниях других стран земного шара. Причем этот китайский интеграционный анклав системно идеологизирован, привлекая на свою сторону всех обиженных Америкой, прежде всего страны Третьего мира, но не только. Таким образом, складывается не просто экономический интеграционный комплекс в Восточной Азии с ядром в Китае, а именно стратегический полюс во главе с КНР, объективно противостоящий американскому. Именно поэтому так озабочен Зб. Бжезинский будущим Китая, нацеливая руководителей своей страны любыми путями, даже за счет Японии, предотвратить возможность превращения Китая во враждебное США государство. И правильно делает. Только вряд ли у него это получится. Поскольку международные отношения развиваются не по желаниям даже такого умного политолога как Бжезинский или “законам” геополитики, а на основе элементарных законов экономики, каждый день подтверждающих свою безоговорочную силу.

И последнее. Я хотел бы обратить внимание на одну вещь, по-моему, не отмеченную никем. Когда речь идет о долгосрочных или стратегических перспективах, у

американских и российских ученых есть одна любопытная закономерность, отражающая разницу в типах мышления двух культур. Американец, в том числе и Зб. Бжезинский, обычно не верит в объективный ход истории, в какие-то там исторические закономерности. Именно поэтому он и “обходит вопрос о потенциальной реализуемости ... стратегии”, – о чем то ли с удовлетворением, то ли с укоризной пишут наши авторы. В мышлении американца заложен ген творца событий и даже всей истории. Американец как истый мичуринец не ждет милости от природы; он творит и природу и историю – историю во славу Америки. Он считает: надо сделать то-то и то-то: Россию поджать, Китай привлечь на свою сторону, Японию направить туда-то, а Европу туда-то и т.д.

Русский (в этом смысле он близок к китайцам), воспитанный на идеях исторических закономерностей и веры в “Про-ссии-ю”, полагает, что в конечном счете История предопределила России великую миссию, и поэтому, несмотря на нынешний кризис, голод и вымирание нации, мы не только выйдем из него победителями, но и спасем весь мир своей Духовностью или еще чем-то. И в этой великой исторической миссии на нашей стороне даже физические законы.

Мне кажется, нам пора перестать рассчитывать на объективные законы природы, которые-де все равно устроят светлое будущее России, и уповать на предначертания Всевышнего, определившего нам роль Третьего Рима, спасающего все остальное человечество от бездуховности.

Если мы не хотим оказаться под американцами или еще кем-то, нам надо действовать также как американцы. То есть не “уповать”, не “рассчитывать”, а именно действовать. Действовать хладнокровно и целенаправленно, без евразийских иллюзий и мистики, во имя России и российского народа.

Из книги: Олег Арин. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001.

[i] М. Титаренко не бесполезно было бы прочитать хотя бы несколько книг авторов с Запада, которому он предлагает строить “евразийский мост”. В частности, книгу Даниеля Ранкора-Лаферьера – одного из редких американских авторов, в тонкостях знающего русский язык и много общавшегося с русскими. Он на основе тщательного изучения трудов российских мыслителей и писателей дает совершенно противоположную оценку национальным чертам “русского народа”, главная характеристика которого фиксируется в названии работы. – Daniel Rancour-Laferriere. *The Slave Soul of Russia. Moral Masochism and the Cult of Suffering*. NY and London: New York University Press, 1995.